

Острогорский даже не подошел к этой задаче, и она ждет еще своих исследователей.

Как ни значителен был вклад старой византийской культуры в русскую культуру, нельзя так преувеличивать влияние византийской культуры на русскую, как это делает Острогорский. Великая русская культура имеет самостоятельное происхождение и самостоятельное мировое значение. Великой Россию сделал русский народ. По Острогорскому же, Россию сделало великой византийское православие.

В начале своей работы Острогорский пишет, что „в настоящем расцвете византиноведения не принимает участия страна, которая в довоенное время сильно двигала вперед византиноведческие исследования — это Россия, где византиноведческие занятия с 1917 года почти совершенно прекратились“.

Мы не знаем, о каком „расцвете византиноведения“ в настоящее время говорит Острогорский. Как и многие другие отрасли исторической науки, византиноведение на Западе переживает период упадка. Состояние же советского византиноведения Острогорскому просто незнакомо. Иначе он не решился бы делать такие утверждения, не имеющие ничего общего с действительностью.

М. В. Левченко

LOUIS BRÉNIER. VIE ET MORT DE BYZANCE.

Ed. A. Michel. Paris, 1947, 530 p.

В 1947 г. в Париже появился XXXII т. исторической серии „Эволюция человечества“,¹ посвященный истории Византии. По первоначальному замыслу издателей авторство этого тома было поручено Шарлю Дилью. Однако, в связи со своей болезнью, Ш. Диль не смог выполнить этой задачи и возложил ее на другого видного византиниста — Луи Брейе. Рецензируемая книга, носящая название „Жизнь и смерть Византии“, представляет т. I „Византийского мира“ данной серии, за которым должны последовать т. II — „Учреждения Византийской империи“ и т. III — „Византийская цивилизация“. Автор книги — известный французский византинист, всю свою жизнь посвятивший изучению истории Византии и в течение 40 лет состоящий редактором „Bulletin byzantin“ в „Revue historique“. Его перу принадлежит ряд специальных работ по истории Визан-

¹ Bibliothèque de synthèse historique. L'évolution de l'humanité. Dirigée par Henri Berr. Le monde byzantin.

тии,¹ известных советским ученым. „Жизнь и смерть Византии“ представляет собой синтетический труд, охватывающий всю историю Византии с момента разделения Римской империи на Западную и Восточную (395 г.) и до падения Византии и других греческих государств — Морей и Трапезунта под ударами войск Мухаммеда II.

В книге живо и интересно излагается вся внешнеполитическая история Византии, довольно полно освещаются взаимоотношения Византии со странами Запада и Востока, дается обстоятельный очерк военной и дипломатической истории Византийского государства, показывается значение Византии, как одной из культурнейших и влиятельнейших держав средневековья. С большой художественной силой и выразительностью в книге представлена галерея портретов выдающихся византийских государственных деятелей — императоров-политиков, полководцев, дипломатов. Особенно запоминаются образы Василия I Македонянина, Романа Лекапина, Василия II Болгаробойцы, Андроника Комнина, Михаила Палеолога и др. В работе Л. Брейе собран большой фактический материал, автор хорошо знаком с обширным кругом византийских источников и с западноевропейской историографией. Книга написана образным и живым языком, читается легко и с интересом. К книге приложены хорошо подобранные иллюстрации и довольно обширная библиография.

Однако, несмотря на эти положительные качества, работа Луи Брейе вызывает ряд серьезных возражений и не может удовлетворить советского читателя. Прежде всего, совершенно неприемлемым и в корне порочным, на наш взгляд, представляется самый принцип построения книги Л. Брейе. В рецензируемой работе дается почти исключительно внешнеполитическая история Византии, вопросы же социально-экономической истории, классовой борьбы в византийском обществе, за редкими исключениями, совершенно отсутствуют. И даже если этот основной порок книги отчасти будет исправлен в т. II, посвященном, по заявлению редактора издания А. Берра, социальной истории Византии, то и это не изменит общей неверной структуры труда Луи Брейе, так как подобный искусственный разрыв между социально-экономической и политической историей, такое доминирующее положение вопросов

¹ L. Bréhier. Le Schisme oriental du XI Siècle. 1899.

„ La querelle des images. 1904,

„ L'Eglise et Orient. Les Croisades. 1907.

„ La crise de l'Empire romain en 457. 1929 и др.

внешнеполитических является совершенно антинаучным. Несомненно, что этот органический недостаток труда Л. Брейе теснейшим образом связан с общим мировоззрением автора, с его идеалистическим пониманием исторического процесса в целом. Фигурально выражаясь, в книге Л. Брейе все „поставлено на голозу“: именно, внешние явления исторического процесса составили главный и почти единственный объект исследования автора; он в большинстве случаев скользит по поверхности исторических явлений, не задаваясь целью проникнуть в их глубину, определить их причины; вскрыть же эти причины, а следовательно, правильно понять и весь исторический процесс, — это значит исследовать и понять социально-экономические отношения и ход классовой борьбы в изучаемом обществе. Это было тем более необходимо для автора, поставившего перед собой задачу дать изображение всей византийской истории в целом. Идеализм Л. Брейе сделал его книгу легковесной и недостаточно глубокой, и сама византийская история предстала перед читателем лишь одной своей внешней стороной и в сильно искаженном виде.

Этот коренной порок книги Л. Брейе в конечном счете определил далее и все ее основные недостатки и ошибки. Категорические возражения вызывает выдвинутая автором периодизация истории Византии. Правда, Л. Брейе в решении этого вопроса отличается от многих своих предшественников, буржуазных ученых Западной Европы, которые в основу периодизации византийской истории клали такие принципы, как „история династий, учреждений, войн“. Луи Брейе (стр. 1—10) отходит от этих принципов и подвергает их заслуженной критике; однако он сам выдвигает также неверный и антинаучный принцип периодизации истории Византии. В основу своей периодизации он кладет „перипетий, которым подвергался „географический домен“ Византии“. Изменения этого географического домена составляют, по мнению автора, „естественное деление византийской истории“ (стр. 8). Под „естественным географическим доменом“ Византии автор подразумевает области, тяготеющие к Константинополю, как к своему центру. Это — „Балканский полуостров, побережье Адриатики, долина Дуная, побережье Черного моря, Малая Азия, Закавказье и верхняя Месопотамия, Северная Сирия с Антиохией“ (стр. 6). Этим областям „самой природой определено быть государством с центром в Константинополе“ (стр. 6). Три раза „географический домен“ Византии подвергался опасности уничтожения — от варваров в V в., от арабов и славян в VII в. и от крестоносцев в XIII в., но каждый раз империя сама находила силы для защиты и даже для победоносного

наступления. Затем следовал период реставрации, более или менее полной, период процветания, выразившийся в подъеме престижа империи и распространении византийской цивилизации (стр. 8). Следуя этому принципу, автор делит историю Византийской империи на следующие периоды:

I период — „Римская мировая империя“ (395—717)

В течение этого периода Восточная империя завоевала себе независимость, отразив нашествие варваров, что позволило Юстиниану организовать государство на прочной основе и попытаться реставрировать Римскую мировую империю. Однако, в отличие от Рима, географическое положение Константинополя, по мнению автора, не предназначало ему быть центром Средиземноморской державы. Пример Юстиниана и его преемников показал всю беспочвенность идеи „мировой монархии“, призрак которой, однако, живет в Византии еще до XIII в. И когда Византия потеряла свои „внешние“ владения — Египет, Сирию, Африку и самую Италию, — она образовала единое компактное государство, соответствующее границам ее „естественно-географического домена“, — тогда наступает II период ее истории.

II период — „Римско-эллинская империя“ (717—1204)

Этот период, в свою очередь, распадается на три этапа: 1) период организации (717—944); 2) период экспансии (945—1057); 3) период упадка и гибели (1067—1204). В эпоху „Римско-эллинской монархии“ территория Византии, восстановленная династиями Исаврийской, Аморийской и Македонской, точно соответствует ее „географическому домену“. Это самый блестящий период византийской истории, но два последние века отмечены нашествием новых народов — норманов, печенегов, турок-сельджуков и, наконец, крестоносцев, которым удалось захватить в 1204 г. Константинополь и поделить территорию империи.

III период — „Агония и смерть Византии“ (1204—1453)

Он подразделяется на два этапа: 1) последнее Возрождение и его неудача (1204—1384); 2) предсмертная борьба (1389—1453). После катастрофы 1204 г. бежавшие в Никею императоры организовали там центр сопротивления и начали восстанавливать потерянные владения Византии в Европе и в Азии. В 1261 г. Византия возродилась, однако реставрация была далеко не полной, и империя вернула себе лишь незначительную часть своего „географического домена“, что обусловило ее дальнейшую слабость

в борьбе „с гордыми проектами молодых народов, сербов и болгар“, с „ростом могущества итальянских республик“ и, наконец, с грозными полчищами османов. Лишенная своих владений и необходимых средств сопротивления, раздираемая гражданскими и религиозными войнами, Византия была не в силах противостоять завоеванию османов, хотя ее агония длилась еще около века. Историческая миссия Византии была закончена (стр. 10).

С подобной периодизацией истории Византии ни в коем случае нельзя согласиться. В основу ее положены чисто внешние факторы, в то время как единственно правильным критерием периодизации истории Византии может быть лишь эволюция ее социально-экономических отношений, т. е. становление, развитие и, наконец, разложение феодализма в Византии, иначе говоря, этапы развития самой феодальной формации, в рамках которой протекает византийская история.

Неверный принцип периодизации византийской истории связан у Л. Брейе с преувеличением значения географического фактора в истории Византии. Нет сомнения, что природные условия, географическая среда играли известную роль в истории Византии, но не они определили ее историческую судьбу. „Географическая среда, бесспорно, является одним из постоянных и необходимых условий развития общества и она, конечно, влияет на развитие общества, — она ускоряет или замедляет ход развития общества. Но ее влияние не является *определяющим* влиянием, так как изменения и развитие общества происходят несравненно быстрее, чем изменения и развитие географической среды“.¹

Ложный принцип периодизации, выдвинутый Л. Брейе, создал для византийской истории совершенно искусственное деление, а тем самым определил и неверное изображение хода ее исторического развития.

Далее, одним из важнейших вопросов истории Византии является вопрос о причинах устойчивости Византийской империи, которые обеспечили ей существование еще в течение 1000 лет после падения империи на Западе. Этот вопрос долгие время оставался загадкой для бужуазных ученых, однако в настоящее время он уже нашел свое научное разрешение в трудах советских византинистов. Между тем для Л. Брейе он, по видимому, остается загадкой еще и по сей день.

Во-первых, всю проблему судеб Западной и Восточной империи он сводит к чисто внешнему явлению — к нашествию варваров.

¹ История ВКП(б). Краткий курс, изд. 1938 г., стр. 113.

Во-вторых, даже в рамках такой постановки вопроса он свел свою задачу лишь к констатированию фактов, не объясняя их причин. Все его объяснение, по существу, заключено в следующих его фразах: „В то время как на Западе вожди федеральных войск разрушили императорскую власть, Восточная империя избежала этого захвата. Вытеснение этих войск за пределы ее территории — первая глава в ее анналах, основание ее независимости, после борьбы, длившейся около века“ (стр. 11). К этому Л. Брейе может прибавить лишь удачливую внешнюю политику византийских императоров, искусство византийской дипломатии, умение противопоставить одних варваров другим и т. п. (стр. 12, 13, 14).

Беспомощность Л. Брейе в трактовке этого вопроса явилась неизбежным следствием игнорирования автором внутренних причин гибели Западной и устойчивости Восточной империи. Как известно, падение Западной Римской империи было процессом двуединым. Сущностью этого процесса была гибель античной рабовладельческой формации: „Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся“.¹ Второй его стороной было варварское завоевание; „...не-римляне, т. е. все „варвары“, объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим“.² Не подлежит сомнению, что именно революция рабов явилась главной внутренней причиной гибели Западной империи; общеизвестно, что варвары уже в течение пяти веков стучались в ворота империи, но все их попытки неизменно кончались неудачей по той простой причине, что империя располагала достаточными внутренними силами, чтобы ликвидировать такие попытки. И только с тех пор как общий кризис рабовладельческой системы и начавшаяся на этой почве революция рабов подорвали силы Западной империи, завоеватели хлынули на ее территорию. Таким образом, само варварское завоевание явилось как бы второй стороной революции рабов, ибо только слившись с этой революцией, оно смогло положить конец Римскому государству. В этом и состоят основные причины гибели Западной Римской империи.

Точно так же нигде, как только во внутренних факторах, следует искать и главную причину устойчивости Восточной империи. В советской историографии, вооруженной марксистско-ленинской методологией, этот вопрос получил свое правильное научное решение (Е. А. Косминский, А. Д. Удальцов, М. В. Левченко и др.). Наиболее глубокой причиной устойчивости Византии, по сравнению

¹ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 412.

² Там же, стр. 432.

с Западной империей, явилось превосходство ее экономики. В то время как на Западе усиливался экономический развал и бушевала гражданская война, приведшая к гибели Римскую империю, в Византии развитие производства и торговли, наличие богатых городов давало возможность императорам сосредоточить в своих руках значительные материальные ресурсы, консолидировать центральную власть, укрепить военные силы империи и благодаря всему этому подавить революцию рабов и отстоять империю от варварского завоевания. Значительную роль в устойчивости Восточной Римской империи сыграла также замедленность процесса развития феодальных отношений в Византии, связанная со специфическими особенностями рабовладения на Востоке. Именно внутренняя прочность Византии V в. сделала столь успешной и дипломатию ее императоров, которой такое большое внимание уделил Л. Брейе.

Вызывает возражения также трактовка Л. Брейе одного из интересных и значительных этапов византийской истории — правления императора Юстиниана (кн. I, гл. II, стр. 20—34).

Несмотря на то, что автор отмечает ошибки Юстиниана и показывает беспочвенность его грандиозных замыслов, все же в целом правление Юстиниана несколько идеализируется. Он считает Юстиниана „великим монархом“, давшим империи „прочное устройство, которое позволило ей длительное время выдерживать нападение варваров и распространить по всему миру блеск своей цивилизации“ (стр. 33). Свой анализ правления Юстиниана автор заканчивает знаменательной фразой: „Не в ядовитом памфлете, приписываемом Прокопию, надо искать подлинного Юстиниана“ (стр. 34). Вряд ли можно целиком принять подобную оценку правления Юстиниана. Успехи Юстиниана неоспоримы, но „блестящее“ царствование этого императора имело и свою оборотную сторону. Широкая завоевательная политика императора вызвала, как известно, перенапряжение всех сил страны, увеличение налогового гнета, разорение населения. Современные Юстиниану источники, и не только одна „Тайная история“ (свидетельства которой без должных оснований подвергаются сомнению Л. Брейе), но и Иоанн Лид, Агафий и др., дают потрясающую картину невыносимых тягот, которые пали на плечи народа в прославленное царствование Юстиниана. Иоанн Лид рассказывает, что при перевозке хлеба в порты империи „дороги были устланы трупами женщин и детей, умиравших от лишения при выполнении этих повинностей“¹ и что „неприятельское нашествие“ населению „казалось менее страшным, чем прибытие

¹ Lydus. De magistrat., стр. 264.

агентов казначейства". Ценные сведения находим мы и у Прокопия, который сообщает о введении новых налогов, например, „точно с неба падающего налога, называемого „ἀερκόν“, об усилении применения „ἐπιβολή“, которая была „настоящей чумой, внезапно падавшей на земледельца и окончательно разрушавшей все его надежды на прокормление“¹ и т. п.

Вот какова была цена блестящих дел Юстиниана. Далее, необходимо отметить, что автора совершенно не интересует такой важнейший вопрос, как вопрос классовой борьбы в эпоху Юстиниана. О движении димов, о борьбе цирковых партий автор упоминает лишь мимоходом (стр. 22, 24, 33). Читатель напрасно стал бы искать в книге Л. Брейе определения, что такое димы и факции, характеристики их социального состава, основных моментов их борьбы. Восстанию Ника в работе Л. Брейе посвящено всего несколько строк, причем автор ограничивается лишь внешним и весьма поверхностным описанием событий, связанных с этим восстанием, не интересуясь истинными причинами восстания, не вскрывая социального характера движения и роли димов в этом восстании и, наконец, ничего не говоря о причинах его подавления. Подобное отношение ко всем этим вопросам и, в особенности, к таким событиям, как восстание Ника и другие крупные социальные движения в империи (восстание Фомы Славянина, движение зилотов в Фессалонике), весьма симптоматично и теснейшим образом связано с игнорированием Л. Брейе значения классовой борьбы в историческом процессе.

В светской исторической науке (Н. В. Пигулевская, А. П. Дьяконов, М. В. Левченко, Б. Т. Горянов и др.) и отчасти в дореволюционной русской (Ф. И. Успенский) все эти вопросы поставлены и нашли свое правильное научное разрешение. Далее, в книге Л. Брейе почти совершенно отсутствует характеристика экономической жизни Византии в эпоху Юстиниана; ничего не говорится о развитии ремесла и торговли, особенно торговли с Востоком. Не показывается экономическая подоплека широкой дипломатической деятельности Юстиниана; в частности, ничего не сказано о борьбе Юстиниана за торговлю шелком, о поисках новых торговых путей на Дальний Восток через Красное море, что служило основной причиной установления дипломатических связей с Аксумом и другими государствами. Между тем византийские источники изобилуют богатейшим материалом по этим вопросам. Чрезвычайно ценные данные о торговых связях Византийской империи в эпоху Юсти-

¹ Procop. Historia arcana, XXIII, 15 и др.

ниана дают „Христианская топография“ Козьмы Индикоплова, Прокопий, агиографическая литература и др. Интересные данные содержат сирийские и другие восточные источники. Все эти вопросы подвергнуты глубокому анализу в трудах крупнейшего советского византолога и сириолога члена-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской.

Весьма полно и красочно описав внешнюю политику Юстиниана, автор, однако, и здесь допускает ряд серьезных промахов. На стр. 25, говоря о возобновлении войн Византии и Ирана при Юстиниане, он не вскрывает экономических причин, приведших к столкновению Византии и Ирана (борьба за торговлю с Дальним Востоком и на Черном море, борьба за причерноморские области — Лазик и др.) и игравших решающую роль в вековом соперничестве Ирана и Византии.

Далее, весьма подробно описав войны Юстиниана на Западе, Л. Брейе совершенно не останавливается на внутреннем положении варварских королевств к моменту византийского завоевания, в то время как это имело непосредственное влияние на ход и исход завоевательных походов Юстиниана. Как в Северной Африке, так и в Италии и Испании Византия имела сильных союзников в лице римской рабовладельческой знати, пострадавшей от революции рабов и варварского завоевания. Особенно сильно первоначально было движение в пользу реставрации старых римских порядков в Северной Африке, где вандалы захватили у туземной знати большую часть ее земельных владений. Этим объясняется быстрый успех Велизария в Северной Африке. Сложнее обстояло дело в Италии, где одержавшие на первых порах победу византийские войска встретились далее с мощным сопротивлением народа. В ходе борьбы против завоевателей в Италии берет верх демократическое течение, возглавляемое Тотилой. Левую часть армии Тотилы составляли рабы и колонны, революционное движение которых придало силу Тотиле и обеспечило его успехи. Стремясь использовать это движение, Тотила провел ряд прогрессивных реформ (конфискация земель магнатов, отпуск на волю рабов и т. д.), размах которых виден из „Прагматической санкции“ Юстиниана. В книге Брейе обо всем этом даже не упоминается. Тотила рисуется автором только лишь как „национальный вождь“, „решивший восстановить владычество своей расы в Италии“ (стр. 28—29), хотя автор и признает, что Тотила был „самый опасный враг, какого встречал Юстиниан на своем пути“ (стр. 28).

Очень скупо Л. Брейе говорит о политике Юстиниана в отвоеванных у варваров провинциях. Совершенно ясен реакционный характер этой политики Юстиниана, ставившей своей целью

реставрацию старых римских рабовладельческих порядков. Характер этой политики, злоупотребления византийских чиновников, тяжесть налогового гнета и т. п. объясняют непрочность завоеваний Юстиниана.

В целом правильно и достаточно полно осветив правление Ираклия и дав весьма высокую оценку Ираклию, как полководцу,¹ автор слишком мало внимания уделяет такому важному вопросу, как введение фемного устройства при Ираклии (стр. 53). Из вопросов внутренней политики Ираклия автор занимается главным образом религиозными спорами и борьбой между монофелитами, монофизитами и ортодоксальной церковью (стр. 53, 54, 56).

В работе Л. Брейе неверно освещен вопрос о причинах легкого завоевания арабами восточных областей империи (Египет, Палестина, Сирия). Слабое сопротивление арабскому завоеванию и даже сочувствие населения этих областей арабам объясняется автором чисто религиозными причинами (стр. 56—59), ожесточенной религиозной борьбой между монофизитами, монофелитами и другими еретическими течениями и ортодоксальной церковью, что вызывало, главным образом, ненависть монофизитского населения этих областей к Византии. В действительности причины недовольства населения Египта, Палестины, Сирии и других восточных провинций империи были более глубокими и коренились в экономической конкуренции восточных областей и Константинополя, в тяжелом налоговом и административном гнете византийского правительства, рассматривавшего эти богатые и экономически развитые области как неиссякаемый источник дохода, из которого можно черпать полной рукой. Отнюдь не отрицая значения религиозной борьбы и еретических движений, мы считаем, что, во-первых, нельзя только религиозной борьбой объяснять недовольство населения восточных областей, а во-вторых, что сами еретические движения имели глубокие социальные корни и являлись выражением социальных противоречий. Современные источники, например Хроника Иоанна Никейского, папирусы и др., дают ценнейший материал по этому вопросу.

Одним из крупнейших недостатков книги Брейе является неверная трактовка автором такого важного вопроса в истории Византии, как

¹ Луи Брейе пишет об Ираклии: „Вместо того, чтобы пытаться прежде всего защищать Сирию и Египет, Ираклий решил нанести удар в самое сердце персидской державы и направить на нее воинственные народы Армении и Кавказа. В течение 6 лет он осуществил этот замысел, достойный Аннибала, который показывает его как самого великого полководца, которого знала Римская империя со времен Траяна“ (стр. 51).

славянская колонизация VII—VIII вв. Луи Брейе стремится всячески обойти этот сложный и политически актуальный вопрос, ограничиваясь отдельными упоминаниями о вторжениях славян в пределы Византийской империи (стр. 41, 44, 52, 64 и др.). Ничего не говорит автор о масштабах и характере славянской колонизации Византии. Совершенно игнорируется им вопрос о значении славянской колонизации для Византийской империи, о тех крупнейших изменениях в общественном строе Византии, которые принесло с собой переселение славян на территорию империи. Больше того, не говоря об этом прямо, автор стремится однако свести на-нет влияние славян на общественную жизнь Византии. Земледельческий закон, вопреки последним разысканиям в советской исторической науке,¹ он относит к правлению императора Юстиниана II (685—695) (стр. 66), повторяя тем самым уже устаревшую и опровергнутую теорию, имевшую хождение в западноевропейской историографии, и стремясь разорвать связь этого памятника со славянской колонизацией. Кроме того, он дает в корне неправильную оценку этого памятника, утверждая, что Земледельческий закон покровительствовал развитию в Византии мелкой свободной собственности (стр. 67), что якобы было связано с военной политикой Юстиниана II.

Цель всех этих утверждений, брошенных как бы мимоходом, ясна: опорочить значение славянской колонизации для Византии, попытаться скрыть то обстоятельство, что славяне принесли с собой свободную крестьянскую общину и, тем самым, влили в византийское общество новые силы.

Такое искажение исторической действительности в вопросе славянской колонизации Византии, к сожалению, является не единичным, а, наоборот, весьма распространенным фактом в западноевропейской буржуазной историографии. Подобную же трактовку этого вопроса мы встречаем и у других современных зарубежных византинистов, как, например, у Анри Грегуара и др. Советская историческая наука, как и дореволюционное русское византиноведение в лице В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского уделяли большое внимание вопросу славянской колонизации Византии. В трудах акад. Б. Д. Грекова, члена-корр. Н. В. Пигулевской, проф. А. В. Мишулина, проф. М. В. Левченко, Е. Э. Липшиц, Б. Т. Горянова и др. показано, что такой важнейший законодательный памятник, как Земледельческий закон,

¹ В работе советского ученого Е. Э. Липшиц „Византийское крестьянство и славянская колонизация“. „Византийский сборник“. М.—Л., 1945, стр. 145 и др. доказано, что Земледельческий закон относится ко 2-й половине VIII в.

является прямым доказательством распространённости в Византии свободной крестьянской общины, теснейшим образом связанной со славянской колонизацией VII—VIII вв. Этот памятник, относящийся ко 2-й половине VIII века, юридически оформил те важнейшие социально-экономические изменения в жизни византийского общества, которые произошли под влиянием массовой колонизации славянскими племенами Византийской империи. Славянская колонизация, распространение в Византии общинных порядков привели к стабилизации Византийской империи как в социально-экономическом, так и в военном отношении.

Далее Л. Брейе справедливо отмечает (стр. 78), что скудость и односторонность современных источников, исходящих почти исключительно от противников иконоборческого движения, затрудняют изучение этого важного и сложного явления в жизни византийского общества. Однако Л. Брейе забывает, что то, что оставалось „темным“ и „загадочным“ в движении иконоборцев, уже давно стало ясным благодаря трудам советских (М. В. Левченко, Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмов, Б. Т. Горянов и др.), а также дореволюционных русских (В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, К. Н. Успенский) византинистов. В их трудах с большой глубиной, на основании детального изучения всего комплекса законодательных и нарративных источников, агиографической литературы и документальных материалов этой эпохи вскрыты социально-экономические и политические причины иконоборческого движения, его истинная сущность, затемненная и прикрытая религиозными спорами о почитании икон. Своими исследованиями русские ученые с очевидностью доказали, что под религиозной оболочкой скрывалась борьба императорской власти, опирающейся на военно-служилое сословие, часть высшей знати, епископат и часть народных масс (особенно в восточных областях империи, например в Малой Азии), против церковно-монастырского землевладения. Это движение было вызвано чрезвычайно интенсивным ростом церковно-монастырского землевладения и усилением влияния монастырей к VIII—IX вв., что угрожало абсолютной власти императоров и интересам государства. К. Н. Успенский в своей работе „Очерки по истории Византийской империи“ указывает, что к VIII в. около $\frac{1}{2}$ земель империи находилось в руках церквей и монастырей. Церковь обладала огромными богатствами. Пользуясь всякими изъятиями и привилегиями от уплаты налогов, владея лучшими землями, эксплуатируя массу зависимого населения, монастыри в своем непрерывном росте ослабляли государство, что было особенно опасно в VIII в. во время грозной военной опасности, нависшей над империей. Для укрепления военной

мощи государства, стабилизации его экономики и финансов императоры Исавры вынуждены были выступить против засилия церкви и монашества, начать секуляризацию церковно-монастырских земель. В тогдашних условиях эта борьба политических интересов приняла своеобразную форму борьбы против почитания икон.

Это движение, естественно, вызвало сильнейшее сопротивление монашества, части высшего духовенства и знати, при некоторой поддержке части народных масс, главным образом в европейских провинциях империи. Таковы выводы, к которым пришла современная советская наука по вопросу об иконоборческом движении. Все сказанное, конечно, вовсе не исключает и моментов чисто идеологической, религиозной борьбы, которые играли немаловажную, но отнюдь не главную роль в иконоборческом движении. Луи Брейе в своей работе дает лишь внешнее описание событий, связанных с иконоборческим движением; его интересуют лишь идеологические, религиозные мотивы борьбы, внутренние же, социально-экономические причины этого движения им совершенно игнорируются (стр. 79, 80, 82, 83, 88 и др.). На стр. 83 автор, весьма красочно описывая „гонения“ Константином V иконопочитателей, ничего не говорит о самом главном — о том, что Константин V не только преследовал монахов, но весьма энергично проводил секуляризацию церковно-монастырских владений. Об этом есть многочисленные и весьма определенные указания источников.

По указанию Феофана, Константин V проводил массовую конфискацию монастырских земель и раздачу их военным в качестве вознаграждения за службу; он заставлял монахов возвращаться в мир и отбывать государственные повинности. Все эти меры дали в руки государственной власти значительные земельные фонды и денежные ресурсы, что способствовало укреплению армии и Византийского государства в целом и обеспечило успехи Исавров во внешней политике. Необходимо далее подчеркнуть, что советские ученые доказали, что Лев III, Константин V и возглавляемая ими партия иконоборцев представляли лишь умеренно-реформаторское крыло иконоборческого движения. Наряду с ним в Византийской империи было сильно плебейско-революционное течение, составлявшее левое крыло иконоборческого движения и принявшее форму религиозных ересей, в частности ереси павликиан. Секта павликиан, весьма распространенная среди византийского крестьянства, плебейских масс, ремесленников и т. п., выступала против господствующей церкви в целом и, в частности, против почитания икон, против различных обрядов и т. п. Это весьма сильное и глубоко социальное по своим мотивам движение было первоначально

использовано умеренно-реформаторской партией иконоборцев в ее борьбе против монастырского землевладения, что придало силу и размах иконоборческому движению. Об этом автор также ничего не говорит, лишь вскользь упоминая о секте павликиан (на стр. 101).

Слишком бегло автор останавливается также на таком важном моменте в истории Византии IX в., как восстание Фомы Славянина (стр. 105—106). При этом он недостаточно четко показывает социальный характер этого революционного выступления народных масс Византии, лишь вскользь упоминая, что Фома „поднял население Анатолии, отягощенное налогами“ (стр. 106), в то время как современные источники сообщают, что Фоме удалось поднять „рабов против господ, простых воинов против своих начальников“ социальный характер этого движения особенно ярко выступает из того факта, что несмотря на то, что знаменем этого восстания было восстановление иконопочитания, против него объединились, во имя классовых интересов, как иконоборцы, так и иконопочитатели. Об этом Л. Брейе также умалчивает.

Более объективно и весьма обстоятельно освещает автор правление императора Феофила, отмечая его положительные стороны и рассматривая его как „начало возрождения империи“ (стр. 108). Автор совершенно правильно указывает на расцвет византийской культуры (деятельность Льва Математика, открытие высшей школы в Константинополе, строительство Феофила, расцвет искусства и т. д.) при Феофиле, отходя в этом отношении от традиционной точки зрения, усматривавшей в иконоборческой эпохе период падения византийской культуры. Однако совершенно поверхностно с чисто внешней стороны, освещен автором вопрос о восстановлении иконопочитания в Византийской империи (стр. 115). Луи Брейе опять-таки ограничивается лишь изложением фактов, не вскрывая причин (как социально-экономических, так и политических) торжества партии иконопочитателей. Этот вопрос достаточно полно и четко освещен в трудах советских ученых, которые показали истинные причины восстановления иконопочитания: 1) выступление народных масс (движение павликиан, восстание Фомы Славянина) требовало консолидации всех сил господствующего класса, — отсюда необходимость компромисса между его враждующими фракциями; 2) церковно-монастырскому землевладению уже был нанесен значительный удар; большая часть монастырских земель конфискована; военная знать в значительной мере уже была удовлетворена и поэтому решила, во имя единства господствующего класса, перед опасностью революционного движения низов пойти на соглашение с партией

иконопочитателей, сохранив, однако, за собой конфискованные у монастырей и церковей земли.

Это создало почву для примирения борющихся партий; своего рода „ковлом отпущения“ явились павликиане, над которыми была учинена жесточайшая расправа.

Все эти вопросы полностью игнорируются в книге Брейе, и в освещении и оценке иконоборческого движения в целом автор остается на антинаучных и устаревших позициях буржуазной западноевропейской историографии XIX в.

В книге „Vie et mort de Byzance“ большое место отводится вопросам взаимоотношений Византии и славянских народов. Правильно вскрыв политическую подоплеку христианских миссий к славянским народам, как орудия византийской дипломатии (стр. 134—138), Луи Брейе, подводя итоги деятельности византийских миссионеров в славянских странах, бесспорно преувеличивает значение влияния византийской культуры на славянские народы. Он пишет, что, в результате деятельности византийских миссионеров, в частности просветительной деятельности Кирилла и Мефодия, славянские народы вошли в круг цивилизованных народов (стр. 139). Подобная переоценка влияния Византии на славянские народы встречается и у других западноевропейских византинистов, в частности у Шарля Дилья.¹

Некоторое место в своем труде автор уделяет вопросу взаимоотношений нашей родины с Византией. В отношении древнейшей истории нашей страны, в вопросах образования Киевской Руси и др. автор остается на позициях антинаучной норманистической теории, еще до сих пор имеющей хождение в зарубежной буржуазной историографии, игнорируя труды наших крупнейших советских ученых — акад. Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова и др.

Однако в одном частном, но, тем не менее, весьма важном вопросе автор отходит от распространенной в настоящее время в зарубежной историографии теории. На стр. 128 и 151 Л. Брейе выступает против Анри Грегуара, отрицавшего в своей работе „Les premières apparitions des Russes devant Constantinople“ реальность первого похода русских на Константинополь в 860 г. и похода 911 г., Л. Брейе признает историческую достоверность как первого похода русских на Константинополь, так и последующих походов и приводит в подтверждение этого ряд доказательств (стр. 128, 129, 151).

¹ Шарль Дилья. Основные проблемы византийской истории. Рус. пер. 1947, стр. 31 и др.

Нельзя согласиться с оценкой Л. Брейе деятельности императоров Македонской династии в защиту мелкого крестьянского землевладения. Как и у большинства буржуазных византинистов, у Л. Брейе очень сильно проявляется стремление идеализировать законодательство Македонской династии, подчеркнуть „гуманистические“ мотивы деятельности Романа Лекапина и других византийских императоров, заботу „об общем благе“ (стр. 163) и, прежде всего, „о благе византийского крестьянства“. Однако византийские императоры, издавая новеллы в защиту мелкого землевладения, руководствовались далеко не столь гуманными мотивами. На первом месте для них стояли интересы чисто государственного характера, стремление пресечь рост могущества феодалов, задержать развитие центральных сил, подрывающих влияние центральной власти, противопоставить крупному феодальному землевладению мелкую крестьянскую собственность и крестьянскую общину, которые государство использовало в своих фискальных и военных целях, а отнюдь не интересы византийского крестьянства.

* * *

Некоторые замечания следует сделать по вопросу о разделении западной и восточной церквей (1054 г.) (стр. 262—266). Автор правильно подчеркивает непосредственные политические причины, приведшие к разрыву между папством и константинопольским патриархатом (борьба за влияние в южной Италии, усиление влияния православной церкви в связи с внешними завоеваниями Византии и распространением христианства на Руси, в Болгарии, Грузии, Армении и других странах, что увеличивало притязания константинопольского патриархата, и др.), но от внимания Брейе ускользнули коренные причины разделения церквей — экономическое и политическое обособление Запада и Востока, борьба между Римом и Константинополем за верховенство во вселенской церкви, начавшаяся еще значительно раньше (IX в.), и т. д. Далее Л. Брейе несколько преувеличивает роль патриарха Михаила Керулария в разделении церквей. По мнению автора, „его гордость, заносчивый нрав, честолюбие“ в конечном счете привели к разрыву с папством (стр. 263). Следовало подчеркнуть, что Михаил Керуларий в своей деятельности опирался на влиятельную партию среди византийского духовенства и отражал ее притязания и стремления. Кроме того, обе стороны, как Рим, так и Константинополь, были настроены весьма агрессивно и не желали примирения. Такие коррективы, на наш взгляд, следует внести в трактовку Брейе вопроса разделения церквей.

Значительное место в работе Брейе отведено истории Византии в эпоху крестовых походов.

Однако совершенно нельзя согласиться с оценкой Л. Брейе общего характера крестоносного движения и его причин. Для Брейе крестовые походы — это, прежде всего и почти исключительно, религиозное движение. На первый план автор выдвигает чисто религиозные причины, и если и не отрицает причин экономических и политических, то во всяком случае предпочитает о них умолчать. Так, на стр. 310 он пишет: „Без сомнения среди крестоносцев были расчетливые люди и искатели приключений, но только одна горячая вера, полное бескорыстие могли вызвать такое движение народных масс, подобное всеобщей революции, возрожденному Апокалипсису“. По мнению автора, крестовые походы были „великим идеальным порывом“ (стр. 310). „Высокие идеи“ воодушевляли Урбана II и других деятелей крестоносного движения (стр. 308). Такое идеалистическое объяснение причин крестовых походов и такая их общая оценка не имеют ничего общего с научным пониманием этого вопроса.

Некоторые возражения вызывает также трактовка автором IV крестового похода. Автор в целом правильно указывает причины изменения направления IV крестового похода (притязание Германской империи на Византию, торговые интересы Венеции и др.). Однако у автора проявляется стремление доказать полную непричастность Иннокентия III к изменению направления IV крестового похода. По мнению автора, Иннокентий III был горячим противником похода на Византию и лишь после катастрофы 1204 г., „увидев в падении Константинополя перст Провидения, присоединился ко всеобщему ликованию“ (стр. 368). На наш взгляд, Иннокентий III хотя внешне и выступил против изменения направления IV крестового похода, на самом деле не препятствовал этому, будучи заинтересован в подчинении папскому престолу восточной церкви и „схизматиков“ греков.

Далее, следовало подчеркнуть, что низы крестоносного ополчения, мелкое рыцарство, крестьянство, беднота были против похода на Константинополь, что нашло свое выражение в так называемой „оппозиции на Корфу“ и привело к отделению части крестоносцев от всего ополчения. Упомянув о расколе в армии крестоносцев (стр. 365), автор ничего не говорит о социальном составе отколовшейся части ополчения, на что есть прямые указания у Роберта де Клари.

Самой осаде города и взятию Константинополя крестоносцами автор уделяет слишком мало внимания, а о разгроме Константино-

поля крестоносцами только лишь упоминает (стр. 367). Между тем и византийские (Никита Хониат и др.), и западные (Виллардуен, Роберт де Клари и др.) источники дают потрясающую картину грабежа, учиненного крестоносцами в столице Византийской империи.

Давая общую оценку IV крестовому походу, необходимо подчеркнуть, что этот поход с особенной яркостью обнаружил истинные цели и характер крестоносного движения, уже не замаскированные религиозными лозунгами; это с особой наглядностью показывает ошибочность взглядов автора на характер крестоносного движения в целом.

О Латинской империи, возникшей на развалинах Византии после завоевания Константинополя крестоносцами, автор говорит очень мало, основное свое внимание уделяя истории Никейской империи и других, сохранивших самостоятельность, греческих государств (Трапезунтская империя и Эпирский деспотат). В целом, с таким построением можно согласиться, однако истории латинского владычества в Византии следовало уделить некоторое внимание, рассматривая его под углом зрения тех изменений, которые внесло латинское завоевание в социально-экономическую жизнь Византии, подчеркнув, что латинское завоевание способствовало дальнейшему интенсивному развитию феодальных отношений в Византии. Феодальная организация, феодальные законы и обычаи в их ярко выраженной форме, принесенные крестоносцами с Запада, правда, не противоречили достаточно развитым феодальным отношениям в Византии, но способствовали их дальнейшему расцвету; византийские феодалы охотно воспринимали некоторые западные феодальные институты, чему доказательством служит быстрое распространение в Византии западной феодальной терминологии. (Богатый материал по этому вопросу содержит так называемая Морейская хроника, интересный и важный источник той эпохи). Быт и нравы латинских рыцарей также оказали влияние на византийскую знать. С этой точки зрения, на наш взгляд, и следовало подойти к вопросу о латинском владычестве в Византии.

Вопросу унии западной и восточной церковей автор уделяет довольно большое внимание, останавливаясь как на событиях, связанных с заключением Михаилом Палеологом Лионской унии 1274 г. (стр. 396—400), так и на неудаче унии после смерти этого императора (стр. 411), на попытках возобновить соглашение с папским престолом при Андронике III (стр. 433) и в последующий период, и, наконец, весьма детально разбирая вопрос о заключении Флорентийской унии 1439 г. (стр. 490—498). Необходимо отметить как положительный момент то, что автор совершенно правильно

подчеркивает политический смысл унии и политические причины, толкавшие Византийское государство на заключение унии с западной церковью. Луи Брейе показывает, что уния являлась для Византии попыткой опереться на помощь Запада в борьбе с внешними врагами (стр. 399). В данном вопросе религиозные мотивы не доминируют у Брейе и не выдвигаются на первый план. Однако и в освещении этого вопроса у него есть ряд серьезных недостатков и упущений. Во всех переговорах по вопросу заключения унии на первый план Брейе выдвигает в первую очередь самих византийских императоров (Михаила Палеолога, Мануила и Иоанна VIII), которые, по мнению автора, являются основной пружиной, инициаторами и организаторами унии. Однако следовало подчеркнуть, что в своей деятельности в пользу унии византийские императоры опирались на влиятельную в Византии латинофильскую партию, отражавшую интересы определенных социальных слоев византийского общества.

Признавая наличие двух партий в Византии (Л. Брейе называет их унионисты и антиунионисты), автор совершенно игнорирует вопрос о социальном составе борющихся партий, не интересуется причинами, толкавшими определенные слои византийского общества на сближение с Западом и заключение унии, а другие — на ожесточенное сопротивление унии; не пытается дать оценку деятельности этих партий (хотя сочувствие его бесспорно не на стороне греко-православной партии). Между тем в советской историографии эти вопросы были поставлены и нашли свое разрешение. Борьба латинофильской и греко-православной партий в Византии имеет свою длительную историю. Она началась вскоре после разделения восточной и западной церковей (XI в.) и особенно усилилась в период заката Византийской империи — в эпоху Палеологов. XV в. был кульминационным моментом в истории борьбы этих партий; в тот период, когда грозная внешняя опасность нависла над империей, усиливается латинофильское течение, а греко-православная партия частично теряет свое влияние. Наряду с латинофильской и православной партиями появляется новое туркофильское течение. Византийские источники XV в. (Дука, Франдзи, Критовул, Халкокондил) дают возможность определить политическую программу, социальный состав и наиболее выдающихся деятелей борющихся партий. Ядро латинофильской партии состояло из высшей придворной знати, части высшего духовенства и византийской интеллигенции. Последние императоры из дома Палеологов поддерживали это течение, а порою и возглавляли его.

Немаловажную роль в возникновении латинофильского течения сыграли крестовые походы и латинское завоевание, которые, с одной стороны, вызвали национальное движение византийского народа и усилили национальную и религиозную рознь между Западом и Византией, но, с другой стороны, способствовали сближению с Западом, главным образом византийской феодальной знати, для которой союз с западным феодализмом в XV в. мог казаться менее опасным, чем турецкая угроза. Для византийской интеллигенции сближение с Западом имело свою почву в тех культурных связях, которые установились между Византией и Западом в эпоху гуманизма. Что касается части духовенства, поддерживающей латинофилов, то она принадлежала к партии так называемых „политиков“, искавшей в государстве опору для церкви, противопоставляемой в церковной истории Византии партии крайних „зилотов“. В вопросе об унии „политики“ шли на уступки императорской власти и из-за политических соображений поддерживали византийский двор. Латинофилы стали на ложный путь, возложив все надежды на помощь Запада и папского престола, который сам имел агрессивные планы против Византии и не хотел, да уже и не мог, спасти Византию.

Греко-православная партия объединила часть высшего и среднего духовенства но основным ядром ее было монашество, в частности афонское.

На стр. 493 автор, говоря о партии „унионистов“, пишет, что она представлена была в монастырях Афона. В данном случае он допускает неточность, следуя за Вастом и утверждая, что афонское монашество было сторонником унии.

Брейе вероятно основывается на том, что на Флорентийском соборе были представители двух афонских монастырей Лавры и Ватопеда, но они не поддерживали унии и хотя и подписали ее, но тотчас по возвращении в Константинополь от нее отказались. В то же время как в византийских (Дука, Франдзи), так и в русских (послание прота и иноков Афонской горы к великому князю Василию Васильевичу) источниках есть неопровержимые доказательства того, что афонское монашество в целом выступило самым ярким противником унии. О социальном составе ни партии „унионистов“, ни партии „антиунионистов“ автор не говорит, а бросает лишь отдельную фразу, приводящую к ошибке.

Греко-православная партия, опиравшаяся на народные массы Византийского государства, однако, не сумела стать подлинно национальной силой и сплотить все силы государства в борьбе

с внешним врагом. Партийно-религиозная борьба ослабляла Византийскую империю и послужила одной из причин ее гибели.

Борьбе варлаамитов и паламитов автор уделяет довольно большое место в своем труде (стр. 433—434, 442 и др.), однако в этом движении его интересуют прежде всего и почти исключительно религиозные вопросы (вопрос об исихии, спор о Фаворском свете и т. д.), такие же моменты в этом движении, как столкновение двух философских направлений — платонизма (Варлаам) с аристотелизмом (Палама) и борьба западнического, латинофильского (Варлаам) и национально-православного течений (Палама), показанные акад. Ф. И. Успенским в его работе „Очерки по истории византийской образованности“ (СПб., 1892), автором игнорируются или отодвигаются на второй план. Ни слова не говорит автор о классовом содержании этой идеологической борьбы, потрясавшей византийское общество в первой половине XIV в.

В изложении истории подготовки к созыву Флорентийского собора и деятельности самого собора автор в основном следует за Вастом и Hefele и дает главным образом внешнее описание событий, не касаясь их причин.

Так, например, автор не останавливается на причинах капитуляции греков на Флорентийском соборе: 1) тяжелое внешнеполитическое положение Византийского государства; 2) борьба партий внутри греческой делегации и усиление латинофилов в ходе собора; 3) материальное давление курии на греческих делегатов. На стр. 492, говоря о том, что византийский император Иоанн VIII, ведя одновременно переговоры об унии с папой Евгением IV и Базельским собором, склонился, в конце концов, на сторону папы, он не подчеркивает, что решающую роль в этом сыграли папское золото и корабли, присланные в Византию Евгением IV.

На стр. 494, говоря о перенесении собора из Феррары во Флоренцию, Брейе предлог (появление чумы) принимает за истинную причину перенесения собора, в то время как основной причиной было стремление папы поставить греков в еще более зависимое положение от папского престола и заставить их пойти на подписание унии.

В освещении собора чувствуется влияние „западнического“ направления в историографии. Затушевываются агрессивные планы папства по отношению Византии, замалчиваются методы и приемы папской политики (подкуп, материальное давление, угрозы) для достижения унии.

При описании хода собора автором допущена фактическая неточность. На стр. 495 Л. Брейе пишет: „...деспот Димитрий,

Гемист Плифон и Георгий Схоларий (подчеркнуто мною. — Э. У.) покинули Флоренцию, чтобы не дать своих подписей“. Здесь автором допущена ошибка. Георгий Схоларий не только подписал унию, но даже выступил на соборе ее горячим защитником, первоначально находясь в числе ее противников. Сохранились три речи и воззвание Георгия Схолария к собору с призывом заключить унию.¹ Такой поворот в поведении Георгия Схолария, вызванный рядом политических причин, настолько контрастировал с его поведением в начале собора и особенно с позицией, занятой им после заключения унии, что породил споры в научной литературе и привел даже к появлению двух Георгиев Схолариев (Allatius, Renaudot и др.). Но теперь этот вопрос уже решен в научной литературе, и тем более странна подобная ошибка автора. Возможно, автор смешал Георгия Схолария с монахом Георгием, представителем грузинской церкви, который действительно, подобно Исае Ставропольскому, Георгию Гемисту Плифону и деспоту Димитрию, уехал из Флоренции, чтобы не подписать унии.²

Недостаточно полно и глубоко освещены автором причины неудачи попыток организовать в XV в. крестовый поход против турок в защиту Византийской империи (стр. 475, 500—501 и др.). Правильно отметив политические причины (раздоры между отдельными западноевропейскими государствами, „состояние анархии на Западе, английские войны, великий раскол, гуситские войны, борьба между итальянскими государствами“) (стр. 475), автор игнорирует наиболее существенные причины неудачи попыток организации крестовых походов в XV в. Развитие капитализма в недрах феодального общества Западной Европы, становление национальных государств, развитие промышленности и торговли, образование и укрепление внутреннего рынка в странах Западной Европы, — вот комплекс причин, приведших к тому, что после неудачи крестовых походов в XV в. Западная Европа охладела к крестоносному движению, и крестовые походы остались уже в прошлом.

* * *

Проблема причин падения Византийской империи, пожалуй, одна из самых интересных и сложных среди обширного круга вопросов,

¹ Migne. *Patrologia Graeca*, t. 160, стр. 381 сл.

² S. Syropoulos. *Vera historia unionis, non verae inter Graecos et Latinos*. Nage-Comitis, 1660, кн. X, гл. 9, стр. 294. Скорее всего ошибка вкралась благодаря тому, что автор взял материал у Hefele. *Histoire de consiles*, trad. fr. 2-me éd., t. VII, p. 1009, не проверив его.

связанных с историей Византии. Падение Византии, этой могущественной и блестящей некогда империи, произвело огромное впечатление на современников и поныне продолжает привлекать внимание исследователей.

Однако в западноевропейской историографии этот вопрос не нашел своего разрешения. Почти всеми западноевропейскими авторами на первый план выдвигаются внешнеполитические и военные причины гибели Византии. Вопрос же о внутренних экономических и социально-политических причинах отодвигается на второй план и большей частью игнорируется (Гиббон, Лебо, Пирс, Шлюмберже и др.). И только русскому византиноведению, занявшему почетное место в области разработки социально-экономической истории Византии, принадлежат немалые заслуги в исследовании внутренних причин падения Византии (Ф. И. Успенский и др.).

В освещении этой сложной проблемы Брейе следует традиции, установившейся в западноевропейской историографии, и ограничивается лишь внешним описанием последних дней Византийского государства, „его агонии и смерти“. Надо отдать справедливость, что делает это Л. Брейе мастерски, давая потрясающую по своему драматизму картину гибели Византийского государства, однако глубоких причин, приведших к трагедии, разыгравшейся 29 мая 1453 г., автор не вскрывает.

Правда, он показывает постепенный упадок Византии, ее слабость при последних Палеологах, но центр тяжести изложения концентрируется опять-таки на вопросах внешней политики. Бесспорно, что проблема падения Византии может быть окончательно разрешена лишь с точки зрения изучения всего комплекса как внутренних, так и внешних причин.

Среди этих причин центральное место, однако, занимают причины внутренние: экономический упадок Византии, специфические особенности поздневизантийского феодализма, особенности развития византийского города в XIV—XV вв., сложный переплет классовой и партийно-религиозной борьбы в Византии накануне ее падения и др. Лишь такая постановка этой проблемы может удовлетворить советского читателя.

В работе имеются некоторые опечатки. Так, на стр. 178 указано, что Роман Лекапин умер 15 июня 548 г., в то время как это произошло 15 июня 948 г. На стр. 366 бегство Алексея III Ангела из Константинополя автор ошибочно относит к 17 июля 1103 года, а не к 17 июля 1203 г. Ответ папы Николая V византийскому императору Константину XI по вопросу унии имел место 11 октября 1451 г., а не 11 октября 1351 г., как пишет автор на стр. 511.

Необходимо отметить, что в обширном списке литературы, использованной автором, чрезвычайно слабо представлены труды славянских ученых и совершенно отсутствуют работы советских византистов.

В целом, книга Л. Брейе свидетельствует о том, что современная западноевропейская историография Византии сделала слишком незначительные успехи и сильно отстает даже от достижений дореволюционного русского и тем более советского византиноведения. И вряд ли можно согласиться с утверждением автора предисловия к книге Л. Брейе — Анри Берра (стр. V) о том, что византийский мир является тем обширным полем, широко простирающимся во времени и пространстве, где историкам Франции в лице Рамбо, Шлюмберже, Диля, Милле и Луи Брейе принадлежит исключительная слава его возделывателей, пожинающих обильный урожай. Отдавая должное заслугам французского византиноведения в прошлом, необходимо констатировать, что в настоящее время французское византиноведение переживает упадок, подобно всей буржуазной науке Запада, что особенно наглядно видно на примере труда Л. Брейе. Это лишний раз показывает, что византиноведение, как и всякая другая наука, может развиваться только на основе марксистско-ленинской методологии.

Э. В. Удальцов

GABRIEL MILLET AND D. TALBOT RICE. BYZANTINE PAINTING AT TREBIZOND

London 1936. 182 стр. и LVII фототипий

Если не считать античного греческого искусства, то византийское искусство, пожалуй, более всего пострадало от разрушений времени. Весь тот богатейший художественный мир, центром которого был Константинополь, задававший тон на протяжении почти всей эпохи средних веков, дошел до нас лишь в жалких фрагментах, в ряде случайно уцелевших памятников миниатюры, монументальной живописи, керамики, скульптуры, эмали и шитья. Особенно неблагоприятно обстоит дело с памятниками византийской фресковой живописи. Большая часть их безвозвратно погибла, сохранившиеся же росписи обычно продолжают разрушаться в заброшенных зданиях, лишенных элементарного надзора. Работа Милле и Тальбот Райса посвящена византийским росписям Трапезунта. Правда, публикуемые здесь росписи отличаются не только плохой сохранностью, но